
ВЕРШИННЫЕ СОСТОЯНИЯ ДУХА

В. Франкл

ВОСПОМИНАНИЯ: АВТОБИОГРАФИЯ. Часть 1

Viktor Frankl "Recollections" 2000.

*Виктор Франкл «Воспоминания», автобиография автора «Человек в поисках смысла»
(Перевод на англ. Джозеф и Джудиф Фабри)*

Вступительное слово: Джозеф Фабри

*Оригинальная версия этого издания была опубликована в Германии под названием «То, что не сказано в моей книге». Перевод сделан по второму изданию (Издательство Союз, Вайнхайм, Германия).
Первое издание книги в мягкой обложке — июнь 2000 г.*

О Викторе Франкле

Виктор Франкл — профессор неврологии и психиатрии университета Вены. Он читал лекции по всему миру, и провел профессию так же в Соединенных Штатах Америки, в Гарвардском университете в 1961 г., в Южном Методистском Университете в 1966 г., и в Университете Диккенса 1972 г. Международный Университет США, Сан-Диего, установил для него должность заведующего кафедрой логотерапии в 1970 г., которая теперь известна как «Третья Венской Школы Психотерапии» (после психоанализ Фрейда и индивидуальной психологии Адлера).

Франкл получил 28 почетных докторских степеней университетов из разных стран мира. Австрия присвоила ему высшую награду Республики за научные достижения, одной из этих наград владеют только 18 получателей. Австрийская академия наук сделал его своим почетным членом.

На протяжении 25 лет Франкл был заведующим отделением неврологии городской поликлиники Вены.

Он написал 32 книги, некоторые из которых переведены на 24 языка, в том числе японский, китайский, корейский и русский. Его книга «Человек в поисках смысла» была продана более девяти миллионов экземпляров только в одной Англии. Библиотека Конгресса США назвала книгу «Человек в поисках смысла» — «одной из десяти самых влиятельных книг в Америке».

Другие авторы писали о В. Франкле и логотерапии в 145 книгах, 154 диссертациях и более чем 1.400 статей в научных журналах.

Он читал лекции в университете Вены совсем недавно, в 1996 г.

Вступительное слово

Я познакомился с доктором Виктором Франклом, как и многие другие, благодаря его книге «Человек в поисках смысла». Когда я прочел ее в 1963, я проникся этой книгой. Я тоже потерял в Холокосте многое, что было значимым для меня: семью, друзей, страну, карьеру, и мой язык — эта потеря причинила мне, как писателю, особую боль. Книга предлагает ответы, на вопросы, на которые я пытался ответить в течение 25 лет. Я так же помог осознать важность «Логотерапии» многим американцам. Их жизнь тоже была лишена смысла, хотя и по другим причинам. Семьи были разбросаны по причине развода, из-за того, что дети стали рано уезжать из семей, старшее поколение (бабушки и дедушки) оставались жить в одиночестве. Карьеры были разрушены. Кормильцы семей старались перевестись на более прибыльные участки работы по всей стране, если не по всему миру. Карьеры многих становились бессмысленными в обществе, которое, превыше всего дорожило богатством и удовольствием.

В это время я был ответственным за образовательные программы взрослых в «Унитарной церкви Беркли» и хотел сделать идеи В. Франкла темой моих лекций. Я написал доктору Франклу в Вену, и так случилось, что в это время он читал лекции в Калифорнийском университете в Беркли. Наша встреча не была продолжительной, и по окончании встречи В. Франкл обещал послать мне материал. В течение нескольких следующих недель я получил около 20 книг, статей и листовок, весь материал был на немецком, моем родном языке.

Чем больше я читал, тем больше я убеждался в том, у американского читателя назрела необходимость в книге, которая вобрала бы в себя все эти идеи и так же раскрыла личность В. Франкла, т.е. включала в себя автобиографические сведения. Но пока ни в немецком, ни в английском обществе данная потребность не наблюдалась.

Доктор Франкл согласился с тем, что вводный курс в логотерапию был необходим, и также были предусмотрены последующие 2 года трансатлантического заочного курса логотерапии. Мы пробовали разные варианты: мой перевод книги, написанной В. Франклом; мое видение личности В. Франкла — написание этой книги мной; книга, написанная в форме диалога — но ничего не получалось.

В. Франкл не хотел говорить что-либо благоприятное о своей работе, потому что не хотел хвалить себя. Но при этом он не хотел говорить что-либо неблагоприятное, потому что, как он сказал: «Меня достаточно критиковали, мне не нужно критиковать самого себя». Наконец он предложил, чтобы я написал книгу самостоятельно. «Тогда Вы можете хвалить и обвинять меня столько, сколько Вы хотите», — сказал он.

Книга «В поисках смысла» была опубликована в 1968 году и изменила мою жизнь. Я досрочно вышел на пенсию с должности редактора в Калифорнийском университете и стал логотерапевтом, работая с группами. Логотерапия стала для меня ключом к счастливой пенсии. Это был не тот случай, когда ты просто заканчиваешь работу, которая, возможно, уже перестала быть интересной для тебя. Это был тот случай, когда ты переключаешься на деятельность, которая действительно имеет смысл, значение для тебя.

Связь между Беркли и Веной оставалась неизменной. Мне выпала честь сопровождать доктора Франкла во время его поездок в Калифорнию. Я видел множество случаев того, как он жил по законам логотерапии и ее принципам, о которых писал в своих книгах. По окончании лекции Франкла, управляющий одной из тюрем, находившейся неподалеку от места проведения лекций, передал доктору запрос заключенного, который прочитал книгу «Человек в поисках смысла» в тюремной библиотеке, и, узнав, что доктор Франкл находится сейчас неподалеку, попросил уточнить, не мог бы он поговорить с ним лично. К испугу всех, кто тщательно организовал и обдумывал график лекций, встреч, интервью, конференций доктора Франкла, он немедленно согласился видеть этого человека. Это послужило мне уроком. Я увидел, что он подразумевал под использованием «значения момента», особенно, когда Вы находитесь в особом положении для выполнения определенной задачи.

В другой раз моя жена и я гуляли с доктором Франклом в Альпах, в месте, где они делали восхождение на гору. Когда они спустились в очередной раз до «нашего горизонтального уровня», мы проходили мимо барбекю и Франкл отметил, что горящий лес всегда напоминает ему о концентрационном лагере потому, что примитивные железные печи в бараках топились древесиной.

Я спросил, причинило ли это воспоминание ему боль. «О, нет», — ответил он. «Когда мы возвращались после дня каторжных работ в ледящий холод, мы чувствовали запах горящей древесины. Это означало, что настало время отдыха». Этот пример, был иллюстрацией его терапевтического совета: «умей найти положительную сторону даже в болезненных переживаниях».

Моя работа с логотерапией убедила меня в том, что настало время для создания института доктора Франкла. Института, в котором он сможет поделиться накопленным опытом и информацией. Он отказался, аргументируя это своим нежеланием хвастовства. И в очередной раз сделал мне вызов: «Почему Вы не хотите сделать это?»

Так в 1977 г. начал свое существование институт логотерапии в Беркли, под моим руководством, хотя я совсем не имел опыта административной работы. Приятно осознавать, что я был не один. Множество восторженных добровольцев помогали мне в создании института, самого старейшего из 26 национальных институтов и обществ, существующих во всем мире.

Мое знакомство (я даже отважусь сказать дружба) с доктором Франклом открыла для меня драгоценную возможность проникновения в суть его личности, частью которой Франкл поделился с читателем своей книги. Я познал несколько сторон его многогранной личности.

Приезжая в Америку, Франкл всегда находился под давлением людей, которые хотели бы увидеть его, взять интервью, провести переговоры с ним. Поэтому он достаточно ревностно относился к своему времени, отказываясь от пустых разговоров за чашкой кофе, и даже старался не тратить свое время на неторопливый обед в ресторане.

В своем родном городе — Вене, Франкл — своеобразный человек. Он находится в вечном движении, настаивает на личном участии в переписке и сам отвечает на многочисленную почту, которую он получает. Но, наряду с этим, Франкл так же оставляет время и для наслаждения жизнью, и для постижения «значения момента», поскольку он видит эти моменты.

Однажды моя жена и я гуляли с В. Франклом по улицам Вены, и он внезапно схватил наши руки и по-

тянул нас в кафе. «Почувствуйте запах», — приказал он. — «Свежемолотый Венский кофе».

Пройдя еще немного, В. Франкл потянул нас в булочную. «Почувствуйте запах», — опять сказал он, — свежее испеченные венские булочки». Он наслаждается встречами с логотерапевтами, которые посещают его непрерывным потоком. Однажды летним днем мы встретились в гостиной Франкла с гостями, приехавшим из пяти стран — Австрии, Германии, Польши, Мексики и Соединенных штатов Америки.

Третий Франкл, которого я знал, был Франкл на вершине горы. На протяжении многих лет, каждый выходной он и его жена Элли ездили к горе Ракс, где они останавливались в своей отдельной комнате в горной гостинице. Там Франкл был окружен другими скалолазами, отдыхающими, гидами. Некоторые знали его, но большинство из них видело только маленького пожилого мужчину, который настаивал на том, чтобы достигать плато, исключительно поднимаясь по вертикальной скале, хотя достичь его можно было более легким путем. На горе Франкл был расслабленным, шутил с гидами на их замысловатом диалекте и проводил свое время, кушая и болтая с незнакомцами.

Моя жена и я провели множество выходных с доктором Франклом на той горной вершине. Во время полуденной суеты, нам нравилось обедать в открытом кафе-хижине, где люди пили пиво, ели колбаски. В. Франкл часто помогал перегруженным официантам убирать пивные кружки со столов. Однажды, когда он пробирался на кухню с охажкой пустых стаканов, мы видели, как молодая девушка попросила у него автограф. Франкл опустил очки и поблагодарил ее.

Но большинство из гостей не узнавали его. Однажды, когда он убирал со стола, один из гостей попросил его принести ему еще одно пиво. Франкл пошел на кухню и принес пиво. Гость заплатил ему и дал ему чаевые. Франкл начал колебаться, гости сказали ему: «Бери, ты заслужил это, у тебя такая приятная улыбка». Позже, Франкл попытался передать эти чаевые официанту, но официант отказался. «Вы заработали это», — сказал он. Франкл не хотел оставлять чаевые у себя. И когда ни один из официантов не согласился взять их, Франкл предложил заключить сделку. Таким образом, институт Логотерапии получил пожертвование в 35 центов.

Существует еще один Франкл и этот Франкл — пророк. Пророк в библейском смысле. Он не предсказывает будущее, он старается предотвратить ужасы жизни. Ужасы, которые старается предупредить Франкл, это ужасы бессмысленной жизни, пустой и разбитой жизни. Он не только старается уберечь от

такой жизни, но и разработал его собственное учение под названием — логотерапия, для предотвращения подобного образа жизни.

Позади его философии стоит очень миролюбивый человек. Мы должны быть благодарны, что Франкл вложил частицу своей человечности в эту книгу.

*Джозеф Фабри
Беркли,
Калифорния*

Предисловие

Свидетель XX в., основатель собственной школы психотерапии и символ непостижимого выживания в концентрационных лагерях — всё это — Виктор Франкл.

В. Франкл родился в Вене, в Австрии в 1905 г. Франкл оглядывается назад и позади почти целое столетие, которое он разделил, как свидетель, как страдалец, и как составитель, благодаря работе всей его жизни.

По случаю девяностолетия доктора Франкла, 26 марта 1995 г., мы представляем эти воспоминания о его жизни. В. Франкл описал ключевые моменты всей его жизни. Первоначально весь этот материал не был предназначен для публикации. До настоящего времени были доступны только его научные труды, личная информация нигде не фигурировала, поэтому Франкл решил опубликовать эти личные встречи и события, как свою 31 книгу на немецком языке. Характер этих жизненных воспоминаний, по его собственным словам, был сохранен преднамеренно, для создания подробного представления, яркой картины одной из действительно великих интеллектуальных личностей этого века.

Эта книга появилась на свет благодаря тесному сотрудничеству с издательством. Франкл работал над рукописью с неослабевающим упорством, несмотря на его возраст и проблемы со здоровьем, для того, чтобы завершить книгу к его девяностолетию.

Таким образом, в первую очередь, мы выражаем благодарность жене В. Франкла — Элли Франкл. Элли не только набрала весь текст рукописи, но и поддерживала своего мужа на протяжении всего процесса написания книги. Так же выражаем благодарность Харалду Мори, который оказал огромное содействие в подготовке данной книге. Отдельное спасибо, конечно, самому автору, который сделал выпуск этой книги возможным.

*Мартина Гаст-Гамп,
Мюнхен, Германия*

Примечание редактора

Эта книга впервые была опубликована на немецком языке, к девяностолетию Виктора Франкла в марте 1995 г. Сейчас мы представляем издание этой работы на английском языке, под названием «Виктор Франкл — Воспоминания: Автобиография».

Мы хотели бы поблагодарить Джозеф и Джуди Фабри, за успешный перевод данной рукописи с немецкого на английский. Джозеф Фабри сам иммигрировал из центральной Европы, и не понаслышке знаком с атмосферой в Вене между двумя мировыми войнами; он имеет огромный опыт написания, редактирования и перевода литературы с немецкого языка, в частности, на австрийский. И так же, что немаловажно, Джозеф был близким другом Виктора Франкла на протяжении десятилетий.

Так же спасибо Хэдон Клигберг за окончательную редакцию перевода этой рукописи. Он раскрыл по средствам английского языка, во всех нюансах и оттенках чувства американского ученого и писателя. Его знакомство с Виктором Франклом началось в 1963 г., когда он, будучи студентом, принял участие в известных лекциях Франкла, которые проводились в Венской поликлинике.

Так же большое спасибо Францу Везели, с которым я работала раньше. Франц — зять Франкла и именно он привлек мое внимание к этому проекту.

Джоана Лоуренц

МОЯ МАМА И ПАПА

Моя мама была потомком старой, авторитетной, аристократической Пражской семьи. Немецкий писатель Оскар Винер¹ увековеченный как герой романа «Голем» Густава Майринка, был ее дядей. Я был свидетелем его кончины в концентрационном лагере Терезиенштадт. Задолго до своей смерти он ослеп. Так же среди предков моей матери был Раши², который жил в 12 столетии; Махарал; известный в Праге «Высокий раввин Лью». Все это я узнал из нашего семейного дерева, нашей родословной, которую мне когда-то довелось видеть.

Я «чуть не родился» в известном кафе «Силлер» в Вене. Там моя мама начала чувствовать пер-

вые схватки прекрасным весенним днем, 26 марта 1905 г. Мой день рождения совпал с днем смерти Л.В. Бетховена в 1827 г. По этому поводу как-то, не без сарказма, высказались мои одноклассники: «Несчастье никогда не приходит одно».

Моя мама была мягкосердечной и глубоко набожной женщиной. Я не могу понять, как я мог быть таким ребенком — вредителем, как моя мама рассказывали мне об этом позже. Когда я был маленьким ребенком, я настаивал на том, чтобы мама перед сном пела мне колыбельную песню «Давным-давно», только после этого я засыпал. Тогда слова для меня ничего не значили, и только позже мама сказала мне, что она часто пела эту песню так: «Засыпай, маленький вредитель — давным-давно, давным-давно». Только мелодия была оригинальной, а слова этой песни моя мама изменяла, пела про меня.

Моя эмоциональная привязанность к отчужденному дому была очень сильной. Я тяжело переносил разлуку с домом и испытывал ностальгию в течение первых недель и месяцев, и даже лет, когда мне приходилось ночевать в различных больницах, в которых я работал. Я хотел ночевать дома, сначала не реже одного раза в неделю, а потом один раз в месяц, если мне это удавалось. Позже я хотел быть дома хотя бы на каждый день рождения.

После смерти отца в лагере «Терезиенштадт»³, мы остались одни с мамой. И нашей традицией стало то, что я целовал ее при любых обстоятельствах, всегда, когда я встречал ее и когда прощался с ней. Было очевидно, что нас разлучат, но мы пытались сохранить те последние мгновения вместе в мире и согласии.

Когда настало время моей депортации в лагерь смерти «Аушвиц»⁴ с моей первой женой Тилли, я прощался с моей дорогой мамой, и в тот последний момент

³ Терезиенштадт (нем. Theresienstadt, Терезинское гетто) — нацистский концентрационный лагерь, располагавшийся на территории бывшего гарнизонного города Терезин в Чехии, на берегу реки Огрже. Создан в ноябре 1941 г. на базе тюрьмы гестапо.

⁴ Концентрационный лагерь Освенцим (Концентрационный лагерь Аушвиц: нем. Konzentrationslager Auschwitz, польск. Obóz Koncetracyjny Auschwitz; Концентрационный лагерь Биркенау: нем. Konzentrationslager Birkenau, польск. Obóz Koncetracyjny Birkenau, Концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау: нем. Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau, польск. Obóz Koncetracyjny Auschwitz-Birkenau) — комплекс немецких концлагерей, располагавшийся в 1940-1945 гг. на западе Генерал-губернаторства, около города Освенцим, в 60 км к западу от Кракова. В мировой практике принято использовать немецкое название «Аушвиц», а не польское «Освенцим», поскольку именно немецкое название использовалось нацистской администрацией.

¹ Оскар Винер родился 4 марта 1873 г., в Праге. 20 апреля 1944 г. — был депортирован. Поэт, писатель, фельетонист и издатель. (Старая Пражская авансцена)

² Раши — общепринятое сокращение, аббревиатура полного имени рабейну Шломо Ицхаки. Он родился в 1040 г. в г. Труа, столице графства Шампань на севере Франции.

я попросил ее: «Пожалуйста, дай мне твое благословение». Я никогда не забуду, как она выкрикнула из глубины своего сердца «Да! Да! Я благословляю тебя», — и затем она дала мне свое благословение. Это произошло за неделю до того, как она сама была депортирована в «Аушвиц» и отправлена прямо в газовую камеру.

В лагере «Аушвиц» я очень часто думал о матери. Каждый раз я представлял себе, как это будет, когда я увижу ее снова. В своих мечтах о матери, единственную вещь, которую я хотел бы сделать, это встать на колени и целовать подол ее платья.

Я охарактеризовал бы свою мать, как мягкосердечную и набожную женщину, но характер моего отца отличался от характера матери. Личная философия моего отца покоилась на спартанских принципах, и у него было развито сильное чувство долга. У него были жизненные принципы, и он оставался преданным им. Я так же, как и мой отец, был перфекционистом, я научился этому от него. Пятничными вечерами отец заставлял моего старшего брата и меня читать молитву на иврите. Когда мы допускали ошибки, а мы делали это в большинстве случаев, мы не были наказаны, но и не получали никакой похвалы и награды. Но, каждый раз, когда мы читали текст без ошибок, мы получали 10 геллеров. Но это случалось только несколько раз в году.

Я не могу сказать, что жизненные принципы, на которые опирался мой отец, были пропитаны только лишь спартанской идеологией. Нет. Мой отец так же был стойким, если бы не его вспыльчивость. В порыве гнева, он однажды сломал об меня альпийскую трость, когда ударил меня ей. Но, не смотря на это, мой отец всегда был для меня олицетворением справедливости. Мы всегда чувствовали себя рядом с ним в безопасности.

По большей части я пошел в своего отца. Черты характера, которые я унаследовал от отца, в сочетании с теми чертами и особенностями характера, которые я унаследовал от матери, объясняют противоречивость моих индивидуальных качеств. Однажды в психиатрической клинике Инсбрука мне дали психологический тест Г. Роршаха под названием «Пятна Роршаха». Он утверждал, что никогда не видел такого размаха в широком спектре от рациональности до глубины эмоций. Первое я, наверное, унаследовал от отца, а второе от матери.

Семья отца прибыла из южной Моравии, которая тогда была частью Австро-Венгерской монархии. Как бедный сын переплетчика, мой отец во время обучения в средней школе и в начале медицинской школы жил в постоянной нужде. В конечном счете, моему отцу пришлось оставить медицину, по финансовым причинам.

Отец поступил на государственную службу и впоследствии занимал позицию директора Министерства

социального обеспечения при Правительстве. До его смерти от голода и пневмонии в лагере «Терезиенштадт», этот «господин начальник» был как-то замечен мной за выскребанием картофельных очистков из почти пустого мусорного бака. Позже я был переведен из лагеря «Терезиенштадт» в лагерь «Кауферинг»⁵, где мы ужасно страдали от голода, именно там я вспоминал моего отца у этого мусорного бака и понял, что происходило с ним тогда. Теперь это был я — кто очищал своими ногтями крошечную часть моркови от ледяной земли.

Какое-то время мой отец был личным секретарем государственного министра Джозефа Марии фон Банрайтер. Этот чиновник написал книгу о тюремной реформе и о своем опыте в Америке. Это было в его поместье в Богемии (Чехии), когда он диктовал рукопись этой книги моему отцу, который работал стенографистом парламента на протяжении 10 лет.

Министр был озадачен тем, что мой отец всегда отказывался от пищи, которую ему предлагали. Однажды он спросил отца, причину отказа. Отец объяснил, что он ест только кошерную пищу (и эта традиция существовала в нашей семье до первой мировой войны). Услышав это, министр Банрайтер стал посылать своего кучера два раза в день в соседнюю деревню за кошерной едой, чтобы моему отцу не пришлось питаться только хлебом, маслом и сыром.

В отделе, в котором работал мой отец, был руководитель секции, который попросил отца вести протокол встреч. Отец отказался, потому что этот день был большой еврейский святой день — праздник — Йом-кипур — день поста и молитвы; в этот день было запрещено работать. Начальник начал угрожать отцу дисциплинарным взысканием. Отец, даже перед лицом угрозы, отказался от работы в этот святой день.

Мой отец был религиозным человеком, но не без критических мыслей. Он, возможно, стал первым либеральным евреем в Австрии, предшественником того, что позже появилось в Америке, как «преобразованный Иудаизм». Я уже описывал жизненные принципы моего отца, но я должен подробно остановиться на том, что я сказал о его стоицизме. Когда мы маршировали вместе от вокзала до лагеря «Терезиенштадт» отец нес свой небольшой багаж на своей спине. В то время как другие были близки к панике и срыву, он улыбался и говорил им снова и снова: «Не отчаивайтесь, Бог рядом».

Вполне вероятно, что предки моего отца пришли из Эльзас-Лотарингии. Как я слышал из рассказов, во время Наполеоновских походов, войска вошли в деревню, в которой позже родился мой отец.

⁵ Кауферинг — вспомогательная сеть лагерей концлагеря Дахау (Германия).

МОЕ ДЕТСТВО

Эта деревня находится в южной Моравии, на полпути между Веной и городом Брно⁶, там были расквартированы Наполеоновские гренадеры. Как-то один из гренадеров спросил девочку на улице об одной местной семье, он хотел передать им поклон из Эльза-Лотарингии. И так получилось, что семьей, о которой спрашивал гренадер, оказалась семья этой девочки. Тогда гренадер попросил эту семью разрешить ему поселиться в их доме. Он сказал, что он из Эльзас-Лотарингии, но один из его предков эмигрировал из этой Моравской деревни около 1760 г.

Среди немногих вещей, которые я смог взять с собой в «Терезиенштадт» был пузырек с морфием. Когда мой отец умирал от отека легких, когда он боролся за воздух в минуты приближения смерти, я сделал ему инъекцию морфия, чтобы облегчить его страдания. Ему шел тогда 81 год, он был истощен голоданием. Тем не менее, он держался, но повторная пневмония унесла его жизнь.

Я спросил его: Ты все-еще чувствуешь боль?

«Нет».

«Могу я что-нибудь сделать для тебя?»

«Нет».

«Ты хочешь сказать мне что-нибудь?»

«Нет».

Я поцеловал его и ушел. Я знал, что больше не увижу его живым. Но мной овладело самое прекрасное чувство, которое только можно было представить. Я сделал все, что я мог. Я остался в Вене, чтобы быть рядом с родителями, заботиться о них. Я был с отцом в последние минуты его жизни, я проводил отца и освободил его от предсмертной агонии.

Когда мать была в трауре, чешский раввин Ферда, который знал отца, приходил к ней в лагерь. Я был рядом с моей матерью, когда Ферда, утешая ее, сказал, что отец был Цадиком⁷ — праведным человеком. Слова Ферда подтвердили мое собственное представление об отце, что праведность, справедливость, благочестие, все эти качества были главной особенностью моего отца. Его чувство справедливости, должно быть, выражалось в его вере в божественное правосудие. Иначе я не могу себе представить, каким образом у моего отца родилась пословица, которую я так часто слышал от него: «Волей Господа, я до сих пор жив».

⁶ Брно (чеш. Brno [ˈbrno], бывш. нем. Brünn – Брюнн) – город в южной Чехии, близ слияния рек Свитавы и Свратки, на границе Южно-Моравской равнины и Чешско-Моравской возвышенности.

⁷ Цадик (ивр. צַדִּיק то есть праведник) — в иудаизме и особенно в хасидизме: благочестивый, безгрешный человек (святой), пользующийся особым расположением Бога.

Назад к моему рождению. Я родился в доме номер 6 на улице Чернин второго Венского района. Если я не ошибаюсь, мой отец, был первым, кто сказал мне, что в доме номер 7, через дорогу от нас какое-то время жил доктор А. Адлер. Таким образом, получается что, рождение моей логотерапии — «Третьей Венской школы психотерапии» состоялось недалеко от «Второй Венской школы», индивидуальной психологии А. Адлера.

Вдоль Пратера⁸, с другой стороны нашего квартала, находится здание, в котором И. Штраус написал вальс «Голубой Дунай» (неофициальный гимн Австрии).

Сама логотерапия родилась в месте моего рождения. Но книги, которые я издал, все были написаны в квартире, в которой мы жили после моего возвращения из концлагеря в Вену. Свой рабочий кабинет, в котором я надиктовал мои книги с сильными «родовыми схватками», я однажды назвал «родильной палатой».

Когда мне было 3 года, я решил стать врачом, мой отец, по-видимому, очень обрадовался моему решению. В этом возрасте дети обычно мечтают быть юнгой корабля, офицером армии. Я решил соединить эти желания и стать судебным или военным врачом.

Так же в раннем возрасте, помимо размышлений о моей будущей практической деятельности, я, должно быть, интересовался и исследованиями. Я помню разговор с мамой, когда мне было четыре года: «Мама, я знаю, как изобретают лекарства. Нужно выбрать людей, которые хотят свести счеты с жизнью любым способом и в итоге заболевают. После этого нужно кормить и поить их разного рода вещами, такими как гуталин или бензин. Если они выживут то, будет ясно, что это правильное лекарство от их болезни!» А теперь мои критики обвиняют меня в том, что я недостаточно научно-ориентирован, не достаточно ориентирован на исследования!

Примерно в этом же возрасте, однажды вечером перед отходом ко сну, я был поражен одной неожиданной мыслью, что когда-то мне тоже придется умереть. То, что беспокоило меня тогда — не было страхом перед смертью. Тогда я впервые задал себе вопрос, ответ на который я искал на протяжении всей своей жизни. Я спрашивал себя: «Может ли непостоянство жизни, ее мимолетность, эфемерность разрушить смысл и значение самой жизни?» В конечном счете, моя борьба

⁸ Пратер (нем. Prater) – большой общественный парк и зона отдыха в Вене. Расположен в южной части Леопольдштадта между Дунаем и Донауканалом, вытянут вдоль берега на 5 км. Название парка произошло от слова лат. pratum, что означает луг.

привела меня к этому ответу: сама смерть делает нашу жизнь осмысленной. И что самое важное, бренность жизни не может разрушить смысл самой жизни, потому что ничего из прошлого не пропадает, не потеряно безвозвратно. Все безвозвратно сохранено. Именно в прошлом вещи спасены и сохранены от бренности. Независимо от того, что мы сделали или сотворили, независимо от того, что мы выучили и испытали — все это мы передали прошлому, сохранили в прошлом. И никто и ничто не может уничтожить это.

Будучи еще ребенком, я был так расстроен, что, в основном из-за первой мировой войны, я не мог осуществить два заветных желания моего сердца. Я мечтал стать бойскаутом и иметь велосипед. Мне не удалось исполнить эти мои желания, но зато мне удалось сделать то, о чем я даже не смел мечтать. Будучи одним из сотен мальчишек, играющих на спортивных площадках города, я сумел положить на обе лопатки парня, который считался сильнейшим бойцом.

Будучи совсем юным, я всегда хотел написать короткий рассказ. «Заговор?» Кто-то лихорадочно ищет свою потерянную записную книжку. Наконец-то она возвращается к нему. И тот человек, который нашел эту записную книжку, хочет понять смысл странных записей, написанных на страницах этой книжки. Они являются ключевыми словами, которые напоминают человеку, написавшему их, о его «секретных выходных», на которых с ним произошли счастливые события. Например, в записях от 9 июля говорится: «Железнодорожный вокзал в Брно». В тот день, он двухлетний, его родители отвлеклись от него на минуту, и он вскарабкался на железнодорожные пути прямо перед поездом, который должен был вот-вот отправиться. И только когда прозвучал свисток к отправлению, его отец, уже отчаявшийся, наконец, увидел его и бросился вытаскивать из-под колес поезда; это произошло буквально за мгновение до того, как поезд тронулся. Счастливый мальчик. Слава Богу. Или скорей всего — счастливый я. С тех пор я сам был тем маленьким мальчиком.

В моем детстве чувство безопасности и сама безопасность казались естественными для меня. Это ощущение пришло ко мне не в силу философских соображений, это ощущение подарила мне среда, в которой я жил. Моя память хранит множество значимых для меня воспоминаний, начиная с пяти лет. Я помню, свое пробуждение во время нашего отдыха в Хайнфельде. Это утро было солнечным, я лежал в кровати, мои глаза были все-еще закрыты. Я был переполнен восторженными чувствами защищенности и покровительства. Когда я открыл глаза, мой отец стоял рядом, склонившись надо мной и улыбаясь.

Теперь некоторые размышления по поводу моего сексуального развития. Я был маленьким мальчиком, когда мой старший брат и я нашли пакет с порнографическими картинками во время семейного пикника в Венском лесу. Мы не были ни потрясены, ни удивлены, и мы не могли понять, почему мама так быстро выхватила эти фотографии из наших рук.

Позже, может быть на восьмом году моей жизни, секретная притягательность тайны пола начала витать в воздухе. Непосредственной причиной тому была наша смелая и хорошо сложенная горничная, которая демонстрировала свое тело моему брату и мне (иногда по отдельности, иногда вместе). Она позволяла нам снимать одежду с нижней части ее тела. Притворяясь спящей, лежа на полу, она одобряла игры такого рода, даже с ее гениталиями. После этого она всегда строго предупреждала нас, чтобы все, что здесь происходило, мы хранили в секрете и не рассказывали нашим родителям. С этих пор это было нашей тайной.

Этот страх жил во мне еще на протяжении многих лет, и обнаруживался во мне, если я делал что-то не так, даже не связанное с сексом. Я вспоминал, в этот момент, угрожающий жест нашей горничной, как она предупреждала нас, покачивая ее указательным пальцем. Она говорила: «Вики, будь послушным или я расскажу маме наш секрет!» Этих двух слов было совершенно достаточно для того, чтобы держать меня в страхе. И это продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день я не подслушал, как моя мама спросила горничную: «Что же это за секрет?» Горничная ответила: «Ох, ничего особенного. Он ел варенье». Ее опасения, что я мог бы сказать что-то матери, было, по крайней мере, хоть каким-то оправданием ее поведения и поступков.

Я хорошо помню, что я сказал однажды своему отцу: «Папа, я не говорил тебе, что Мари и я катались вчера в Пратере на каруселях, не так ли?» Это был способ доказать, что я могу хранить секреты. Представьте, если бы я сказал однажды: «Папа, я не говорил тебе, что вчера я играл с гениталиями Мари, не так ли?»

Со временем, я стал понимать связь между сексом и браком, и это произошло даже до того, как я узнал связь между сексом и размножением. Я был, наверное, в средней школе, когда я решил что, когда женюсь, я буду стараться все время бодрствовать, по крайней мере большую часть времени. Мне так жаль было терять время во сне, я не хотел бы пропустить занятия любовью с моей женой, пока мы спим. Действительно ли люди настолько глупы, спросил я себя, что пропускают что-то столь прекрасное, когда спят? Я был полон решимости наслаждаться этим занятием полностью, без остатка, бодрствуя.

Во время другого семейного отдыха, на сей раз в Поттенштайне⁹ подруга моих родителей много времени проводила с нами, с детьми. Она имела обыкновение называть меня «Мыслитель», может быть, потому что я засыпал ее вопросами. Я все время спрашивал ее о чем-нибудь, желая знать все больше и больше. По моему мнению, я никогда не был крупным мыслителем. Но я точно через всю жизнь пронес в себе одну черту — быть doskonaльным и упорным мыслителем — «мыслителем насквозь».

Это можно было бы назвать обдумыванием или самосозерцанием в лучших традициях Сократа, когда в годы моей юности, я во время завтрака (или может быть просто кофе) в постели, несколько минут думал о смысле жизни. Особенно о значении предстоящего дня, его смысле или о себе самом.

Это напоминает мне эпизод в концентрационном лагере «Терезиенштадт», профессор из Праги тестировал IQ некоторых из его коллег и мой результат был выше среднего. Это расстроило меня. Я подумал, что другие люди при других обстоятельствах могли бы использовать их интеллект для достижения своих целей. Но я, вероятно, не имею такой возможности, потому что я умру в лагере.

Что касается знаний и разума — меня всегда забавляло, когда я слышал от окружающих, что это все было у меня давным-давно. Я сильно не возражал по этому поводу, понимая, что они вкладывали много усилий для того, чтобы их опубликовали, в то время как я без напряжения освещал те идеи, которые приобрели популярность благодаря их публикациям. Я полагаю, я сам не стал бы переживать, если бы кто-то другой получил Нобелевскую премию за идеи, которые однажды пришли в голову также и мне.

МОЙ СТИЛЬ РАБОТЫ

Как перфекционист, я склонен предъявлять завышенные требования к самому себе. Но это, конечно, не означает, что я всегда соответствую своим собственным требованиям. Но каждый раз, когда я делаю это, я вижу, что это ключи к моему успеху. Когда кто-нибудь меня спрашивает о моих достижениях, я объясняю свой успех, обычно говоря: «Поскольку я сделал своим принципом — уделять мелочам такое же внимание, как и важнейшим делам, а к важнейшим делам относиться так же хладнокровно, и спокойно, как к мелочам, я достигая успеха». Всякий раз, когда ко мне обращаются с

просьбой сделать некоторые замечания в обсуждении, я обдумываю их и делаю заметки. Аналогичным образом, когда я обращаюсь к аудитории в несколько тысяч человек, я всегда готовлю свои мысли придиричливо и полагаюсь на свои заметки. Тогда я пытаюсь говорить с тем же самообладанием как, когда я высказываю свое мнение перед небольшим количеством людей.

Другая вещь: я стараюсь делать все как можно быстрее, и не в последний момент. Этот принцип позволяет мне подстраховаться на тот случай, когда я перегружен работой. В эти моменты я понимаю, что я не столкнусь с дополнительным давлением, меня не беспокоит мысль, что я должен сделать что-то еще. Так же есть еще и третий принцип, характеризующий мою работу, и этот принцип заключается в следующем: я делаю сначала те задачи, которые может быть не совсем интересны для меня, не совсем приятны мне, и только после выполнения этих задач я делаю все остальное. Как я уже сказал ранее, я не всегда следую своим принципам. Например, как молодой врач, я работал в большой психиатрической больнице Стэйнхофа и часто посещал водевили по воскресеньям. Я с удовольствием ходил на эти представления, но всегда сожалел, что я не остался дома за работой над моими идеями и написанием трудов.

Несколько лет, проведенные мной в концлагере, изменили уклад моей жизни и мой образ действий. Сколькими выходными я пожертвовал для того, чтобы надиктовать мои книги. Я научился тратить свое время более разумно, вести счет каждой минуте. Я делаю это для того, чтобы у меня было время для вещей, которые действительно важны.

Тем не менее, я должен признать, что я не всегда придерживался моих принципов. Но тогда я был зол на себя, так зол, что не разговаривал с самим собой несколько дней. Как говорилось раньше, я, по большей части, рациональный человек, человек разума. В то же время, как я говорил ранее, я — человек глубоких чувств.

Во время второй мировой войны, даже до войны, до того, как я был депортирован в лагерь, я помню, что когда в отношении душевно больных людей начали применять эвтаназию, я чувствовал глубокое сочувствие к этим людям. У меня была движущая мечта, я задался целью. Однажды мне приснился сон, что некоторые из этих людей были отобраны и выстроились в очередь перед газовой камерой. Недолго думая, я присоединился к этим людям в очереди. Для меня, очевидно, что этот сон был вызван историей известного польского педиатра Януша Корчака¹⁰. Я. Корчак

⁹ Поттенштайн (нем. Pottenstein) — город в Франконской Швейцарии в Германии, в земле Бавария.

¹⁰ Януш Корчак (польск. Janusz Korczak; настоящее имя Эрш Хенрик Гольдшмит (польск. Henryk Goldszmit);

добровольно последовал за детьми-сиротами, которые находились на его попечении, в газовую камеру. Он на самом деле сделал это. Мне это только снилось, я об этом только мечтал.

Все же я отдаю себе должное за то, что поступок Корчака вызвал понимание и согласие в моей душе. Как я уже сказал, я знаю только несколько хороших качеств в себе, а может быть только одно: я не забываю добрых поступков, и не испытываю неприязнь к тем людям, которые навредили мне.

О чем я мечтал, будучи студентом? Я желал большего, чем я имел в то время. Я хотел, чтобы у меня была машина, мой собственный дом, я мечтал быть лектором в университете. В итоге у меня есть машина, но дома у меня не будет никогда. Мое третье желание воплотилось в моей роли профессора в университете.

Были ли другие желания? Да, и одно я могу определить абсолютно точно. Я хотел совершить первое восхождение на альпийские горы. Однажды я был приглашен для этого моим партнером по скалолазанию Руди Рэйфом. Но, я не мог оставить работу в больнице.

Между прочим, у меня есть три самые захватывающие, волнующие меня желания, я бы даже сказал мечты, которые я хотел бы осуществить: первовосхождение, азартные игры в казино, выполнение операции на головном мозге.

Очевидно, я могу преодолеть разочарования, досаду, недовольство жизнью, благодаря выявлению смысла, значения существования и самой жизни. Часто я и другим предлагаю использовать мой метод при встрече с неприятностями: я мысленно встаю на колени и молюсь, чтобы в будущем ничего более худшего не случилось со мной.

Значение имеет не только то, что мы можем избежать в будущем, но и так же то, что нам удалось обойти в прошлом. Нам следует быть благодарными за каждую удачу и вспоминать о них, устраивая дни памяти. Это то, что делал персонаж в моем ненаписанном рассказе в его записной книжке.

Когда я был очень молод, может быть в возрасте 13 или 14 лет, я планировал написать еще одну историю. Она выглядела так. Один человек открывает лекарство, которое способно сделать человека очень умным. Фармацевтическая промышленность начинает атаковать средства массовой информации, но не может найти того, кто открыл это лекарство.

Дело в том, что сам изобретатель испробовал свое лекарство, и оно сделал его таким умным, что он решил

обратиться к природе. Он отправился в первозданный лес для созерцания, медитации, размышления. Другими словами, он стал настолько мудрым, что отказался от коммерческого использования своего изобретения, от материальной выгоды. Я никогда не писал эту историю.

Я так же, однажды, изобрел теорию, которую я никогда не записывал, но я извлек из нее выгоду. Во время экзамена по патологии профессор Мареш спросил меня, как развивается язва. При ответе на его вопрос, я ссылаясь на определенную теорию, которую я воскресил в памяти, благодаря моим заметкам.

Тогда он спросил: «Хорошо, но есть и другие теории. Вы знаете их?»

Я ответил: «Да, конечно». И изложил еще одну теорию.

«А кто открыл это?», — спросил он меня.

Я начал заикаться, и чувствовать некоторое замешательство до тех пор, пока он не помог мне, тем, что напомнил известное имя.

«Конечно», — сказал Я. «Как я мог забыть?»

На самом деле, я изобрел эту теорию на месте.

НА ОСТРОУМИИ И ЮМОРЕ

Среди моих удовольствий так же есть место для каламбуров и других форм юмора. Иногда они побуждают меня к созданию слов — монстров, но это не останавливает меня.

Когда мне предлагают вторую чашку чая, я, вежливо отказываясь, говорю: «Нет, спасибо. Я — моно-чаист. Я пью только одну чашку».

Большую часть своей жизни я не водил машину, у меня ее просто не было. Поэтому я говорю: «Вы знаете, я обычно путешествую в «гетеромашине», т.е. в чьей-либо машине».

Каждый знает, как юмор может оживить лекцию, или даже сделать ее более трудной для оппонента во время оспаривания или обсуждения. В своем вступительном слове на фестивале «Штирийская осень»¹¹ в городе Грац, я хотел показать, что я компетентен говорить и как доктор, и как философ, но все же мне хотелось приуменьшить тот факт, что у меня есть докторская степень в каждой из этих областей. Поэтому я сказал: «Дамы и господа, я — доктор и философских и медицинских наук, но обычно я не упоминаю это. Зная моих уважаемых коллег в Вене, я предполагаю, что вместо того чтобы сказать, что Франкл дважды доктор, они скорее скажут: он только половина доктора (доктор наполовину)».

22 июля 1878, Варшава — 6 августа 1942, Трешлинка) — выдающийся польский педагог, писатель, врач и общественный деятель.

¹¹ Штирийская осень — фестиваль современного искусства, который проходит каждый год в городе Грац.

Во время вопросов аудитории после лекции в Мюнхене, один молодой человек сделал мне вызов: «Господин Франкл, Вы говорите о сексе. Но, откуда у настолько занятого профессора, как Вы, есть время для здоровой, полноценной сексуальной жизни, или время даже просто на то, чтобы интересоваться этим, знать многое об этом?» «Вы знаете, мой друг», — ответил я. «Ваши слова напоминают мне одну старую венскую шутку. Человек приветствует пекаря и слышит, что у него десять детей.

Он спрашивает пекаря: «Скажи мне, где Вы берете время, для того, чтобы печь?» Слушатели засмеялись. Я продолжил: «Ваш вопрос напоминает мне эту шутку. Вы сомневаетесь в том, что кто-то, выполняя свои академические обязанности, может вести нормальную сексуальную жизнь по ночам». После этих слов смех был на моей стороне.

Во время другой встречи, когда пришло время задавать вопросы, я не имел намерения смутить кого-то еще, и так же я не хотел ставить себя в неловкое положение. После лекций в теологической школе Американского университета мне задали вопрос о том, что я думаю о концепции теолога Пауля Тиллиха¹² «Бог над Богом». Я никогда не слышал ничего об этой концепции, но ответил спокойно: «Если бы я ответил на ваш вопрос касательно теории «Бог над Богом», это означало бы, что я считаю себя Тиллихом над Тиллихом».

Я люблю шутки, и я люблю шутить. Долгое время я забавлялся идеей написания книги о метафизическом происхождении шуток. Моя излюбленная шутка о чужеземце, который приезжает в польскую деревню с многочисленным еврейским населением. И начинает искать бордель. Стесняясь спросить прямо, он останавливается около старого еврея в кафтане на улице и спрашивает его: Подскажи, пожалуйста, где живет раввин?» Еврей отвечает: «Там, в доме зеленого цвета».

«Что?» — закричал чужеземец, делая вид, что он шокирован. — «Такой известный раввин, а живет в публичном доме?»

«Как Вы смеете говорить такие вещи?» — упрекнул его еврей. — «Бордель находится там, в том красном доме».

Такой косвенный подход часто используется врачами с их пациентами. Будучи еще молодым доктором, я усвоил следующее, во время записи истории болезни новых пациенток не нужно спрашивать: «Делали ли Вы

когда-нибудь аборт?» Вместо этого лучше спросить: «Как часто Вы делали аборт?»

Или, другой пример. Доктору желательно никогда не спрашивать мужчину: «Болели ли Вы сифилисом?» Вместо этого лучше спросить: «Как часто Вы лечились сальварсаном¹³?»

Нецелесообразно спрашивать шизофреника: «Слышите ли Вы голоса?» Было бы лучше спросить: «Что голоса говорят Вам?»

Следующая шутка нацелена на психосоматическую медицину. Человека направляют к психоаналитику, потому что он страдает от головных болей, тяжести в голове, и звона в ушах. Аналитик, несомненно, найдет множество глубоких, бессознательных причин, объясняющих эти симптомы. Однако, идя на встречу к психоаналитику, этот человек, проходя мимо магазина одежды, вспоминает, что ему нужна рубашка. Он входит в магазин и спрашивает определенный бренд.

«Какой размер Вам нужен?» — спрашивает продавец.

«Пятнадцатый» — последовал ответ.

«Я уверен, что Вам нужен размер не меньше 16».

«Дайте мне, пожалуйста, 15 размер и не задавайте вопросов».

«Хорошо, но не удивляйтесь, если Вы будете страдать от головных болей, тяжести в голове и звона в ушах».

Ряд препаратов обладают особым эффектом: они побуждают нас к шуткам на грани фармапсихиатрии. А вот одна шутка из нацистской эпохи. Эсэсовец оказался в одном купе поезда с евреем. Еврей начинает распаковывать сельдь, съедает ее, а голову аккуратно заворачивает в бумагу и кладет ее к себе в карман. Эсэсовец наблюдает за всем происходящим, а потом спрашивает еврея: «Зачем ты сохранил голову рыбы?»

«В голове рыбы ее мозг. Я принесу эту голову моим детям, и таким образом они станут умными».

«Сколько ты берешь за голову?» — спрашивает эсэсовец.

«1 марку».

«Вот твоя марка», говорит эсэсовец, и начинает есть голову рыбы. Через пять минут он приходит в состояние гнева. «Ты — грязный мошенник!» Вся рыба стоит пол марки, а ты продал мне только голову за 1 марку».

«Видишь, — сказал еврей, — это уже начинает действовать».

¹² Пауль Йоханнес Тиллих (нем. Paul Johannes Tillich; 20 августа 1886, Штарцеддель, Пруссия, Германская империя – 22 октября 1965, Чикаго, США) – немецко-американский протестантский теолог и философ, представитель диалектической теологии.

¹³ Сальварсан, сальварсан-606, арсфенамин. Лекарство от сифилиса, созданное химиком Паулем Эрлихом; число 606 – номер в перечне мышьяксодержащих соединений заданного типа, перепробованных учёным в качестве противосифилитического средства.

Существует разница между лечением причины и лечением симптома, и шутка может помочь объяснить это. Во время каникул в деревне, одного отдыхающего каждое утро будит крик петуха. И, в конце концов, он идет в аптеку, покупает снотворное и смешивает его с кормом петуха. Это лечение причины.

Наркотическую зависимость можно тоже объяснить по-разному, и иногда я, иллюстрируя это, прибегаю к следующей истории. Алкоголик приходит к своему доктору, потому что у него начал ухудшаться слух. Доктор говорит ему: «Ты должен бросить пить». Через месяц они встречаются и доктор спрашивает: «Как дела?»

- «Не надо кричать, доктор. Я последовал Вашему совету, и мой слух стал намного лучше».

Прошел еще одним месяц и доктор с пациентом встретились вновь. Но к этому моменту пациент совсем оглох.

Доктор спрашивает его: «Что случилось?»

Пациент отвечает: «Вы знаете, доктор, сначала я пил и слышал плохо. Потом я бросил пить и стал слышать намного лучше. Но, то, что я услышал, не было столь же приятным, как виски».

Этот пример является намного более действующим, чем беседа или лекция, прочитанная на эту тему, и современные психологические исследования в области «Моделирования» подтверждают это.

Следующая шутка. Мужчина купил себе попугая и хотел, чтобы попугай называл его «Дядей». Он начал дрессировать попугая, используя жестокие методы, но так и не достиг желаемого. И, в итоге, он прибег к новому наказанию. Он запер попугая в курятнике с цыплятами на всю ночь. Утром хозяин попугая пошел в курятник и застал попугая атакующим последнего уцелевшего цыпленка. Попугай, кричал повторяя: «Скажи «дядя» мне, скажи «дядя» мне...»

УВЛЕЧЕНИЯ И ХОББИ

Размышляя над чертами характера, индивидуальностью, самобытностью каждого человека и над тем, как эти особенности находят свое выражение, не следует забывать об увлечениях и хобби человека. По этой причине я не отрицаю важность кофе для меня. Когда я отправляюсь в свой тур, читать лекции, я всегда забочусь о том, чтобы со мной были таблетки кофеина, на тот случай, если я не смогу найти крепкий кофе. Однажды в Австрийском городе Гмунден, я заказал капучино — крепкий кофе, такой же коричневый, как одежда капуцинов монахов. Но официант принес мне то, что мы называем в Вене «dishwater» (помои) — слабый, жидкий кофе. Я помчался назад к отелю, взять мои таблетки, и кто, как Вы думаете, остановил меня в

коридоре? Настоящий, живой капуцинский монах. Он принес несколько моих книг из библиотеки монастыря для того, чтобы я оставил свой автограф.

До моего восьмидесятилетия альпинизм был моим самым страстным увлечением. Когда мне не разрешили поехать в Альпы, потому что я — еврей (мне пришлось носить желтую звезду¹⁴), я мечтал о восхождении. Однажды мой друг — Хуберт Гзур уговорил меня, и я отважился пойти в горы без моей желтой звезды, я буквально целовал горы.

Альпинизм — это единственный вид спорта, в котором физическое ослабление, вызванное старением человека, можно компенсировать техникой и опытом восхождений. Именно альпинизм помогал мне отвлечься от мыслей, связанных с написанием моих новых книг или подготовкой к лекциям. И это не было преувеличением, когда Жан Баттиста Торелло¹⁵ писал в австрийской школьной газете о своем подозрении, что все мои почетные докторские степени не значат так много для меня, как три альпийских тропы восхождения, названные в мою честь альпинистами, которые первые покорили их (сейчас они называются «Восхождения Франкла»).

Помните мое упоминание о трех захватывающих вещах: операция на головном мозге, азартные игры и первое восхождение? К этим трем вещам я должен добавить счастливые моменты после завершения книги и сдачи этой рукописи в городское издательство, а после этого отправиться в горы, взобраться на отвесную стену горы, и провести всю ночь в горном домике с любимым человеком. Я хожу в горы, как кто-то идет в пустыню для того, что собрать свои силы, сосредоточится на себе в этой уединенной, отшельнической прогулке, как на горный массив Ракс¹⁶. Практически каждое важное решение, которое я принял, я принял его в горах.

Я делал восхождения не только в Альпах, но так же и на высокие горы Татра¹⁷ в бывшей Чехословакии. Там моя Жена Элли и я поднялись на самый сложный горный хребет. По случаю годовщины лекторства в

¹⁴ Жёлтая звезда или Лата – особый отличительный знак, который по приказу нацистов должны были носить евреи на подконтрольной властям Германии территории в период Холокоста.

¹⁵ Жан Баттиста Торелло – психиатр и католический священник, проживающий в Вене.

¹⁶ Ракс (нем. Rax) – горный массив, расположенный в Австрии на границе земель Штирия и Нижняя Австрия относится к системе Северных Известняковых Альп.

¹⁷ Татры (словацк. Tatry) – наивысшая часть Карпат, находящаяся в Словакии (3/4 площади) и Польше, часть Фатранско-Татранской области. Наивысшая точка – гора Герлаховский Штит, 2655 м.

университете в городе Стелленбос, мы взобрались на «Столовую гору» в Кейптауне на юге Африки. Наш гид был тогда президентом южноафриканского горного клуба. Так совпало, что моя жена и я — были первыми студентами недавно открытой школы альпинизма в Йосемитском национальном парке в Калифорнии.

Некоторые из моих друзей полагают, что моя страсть к горному восхождению связана с моим интересом к психологии высоты, как я назвал логотерапию, впервые обозначив ее в печати в 1938 г. В отличие от психологии глубины, которая характеризуется изучением и погружением в темные тайны динамики бессознательного.

Подозрения моих друзей в дальнейшем подкрепились еще и другой моей тягой к «достижению высоты», когда в возрасте 67 лет, я взял мои первые «уроки полетов» во время моего профессорства в Сан-Диего, Калифорния. Этот город находится на побережье Тихого океана, где нет гор для восхождения. Через несколько месяцев я исполнил мои первые сольные полеты.

Могу ли я упомянуть некоторые из моих интересов, которые не являются столь серьезными? Одним из таких интересов являются галстуки. Я могу даже влюбиться в галстуки, в платоническом смысле. Под этим я подразумеваю, что я могу любоваться ими на витрине магазина, зная, что они не мои и никогда не будут принадлежать мне.

Хобби может также перерасти в профессию. Например, я достаточно хорошо осведомлен в области дизайна оправы очков. Один из самых крупных в мире производителей очков считал мои знания профессиональными, и достаточными для того, чтобы консультироваться со мной относительно эскизов своих проектов перед началом производства.

Я так же не стеснялся увлекаться и другими вещами. Я сочинял музыку, включая музыкальную партитуру элегии, которая была аранжирована профессиональным музыкантом и исполнена оркестром. Так же танго, которое было использовано в телевизионной программе.

Кстати несколько десятилетий тому назад я был приглашен главным врачом психиатрической больницы, для проведения нескольких симпозиумов по логотерапии. Это было в Норвегии в городе Викарсунд, в часе езды от Осло.

«Кто-нибудь представит меня в моей первой лекции?» — спросил я.

«Да», — ответил он.

«А кто это сделает?»

«Новый профессор психиатрии университета в Осло».

«Он знает обо мне что-нибудь?»

«Он не только знает Вас, но и уже на протяжении многих лет, он относится к Вам с пиететом».

Я не мог вспомнить этого человека, и мне было очень любопытно. Когда он появился, он заверил меня в том, что знает меня на протяжении нескольких лет. Оказалось, что он был одним из десяти детей Шаммеса, хранителя синагоги в Похорлис в южной Моравии, в месте рождения моего отца.

Наша семья была там летом в самый голодный период первой мировой войны. Мой старший брат был очень хорош в организации любительских театральных представлений. Они проводились во дворах сельских домов, где подмостками были деревянные доски, поддерживаемые бочками. Ансамбль состоял из 13 и 15 летних мальчиков и девочек. Я был среди них. Я играл старого доктора Штиглица в лысом парике, и старого сапожника Книрима в популярном фарсе¹⁸ Иоганна Нестрой¹⁹ «Бродяга». Мужчина, который представлял меня перед моей лекцией, был профессор Айтингер, известный профессор психиатрии в Осло, который, должно быть, был маленьким мальчиком, во время наших театральных представлений, так как он был на несколько лет моложе меня. После всех этих лет, он вряд ли слышал о логотерапии, но не мог забыть пьяного Книрима в исполнении Виктора Франкла.

В предисловии к последнему изданию моей книги «Скажи жизни да, не смотря ни на что», он отметил, что однажды я написал пьесу. (Интересно, что сама книга была инсценирована католическим священником в Австралии). Одно из действий этой постановки было показано в самом большом зале в Торонто, перед началом моей лекции там, в качестве вступления. Виктор Франкл появляется в этой постановке дважды один раз в качестве заключенного концлагеря, другой раз в качестве наблюдателя-комментатора. Я был третьим Виктором Франклом, фактически сидящим в этом театре.

Перевод с англ. А.Н. Зелинской

Продолжение в следующем номере

¹⁸ Фарс — комедия или водевиль лёгкого, игривого содержания.

¹⁹ Иоганн Нестрой (нем. Johann Nepomuk Eduard Ambrosius Nestroy, 7 декабря 1801, Вена — 25 мая 1862, Грац) — австрийский драматург-комедиограф, комедийный актер, оперный певец.